

Ю. А. Кривошапова*, Л. А. Феоктистова**

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

*insekt@yandex.ru

**l.a.feoktistova@urfu.ru

Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в русских народных говорах*

В докладе на материале преимущественно костромских говоров рассматривается модель прецедентной номинации с личным именем и образованным от местного ойконима прилагательным — адъектономимом: костр. *как Дуня касимовская* (< д. *Касимово*) ‘о нелепо одетой женщине’, *как Федя парюгский* (< д. Малый *Парюг*) ‘о сумасшедшем человеке’ и др. Факты подобного рода уже привлекали к себе внимание исследователей [см.: Родионова, 2005; Березович, 2012], но анализировались наряду с другими отыменными единицами (апеллятивными дериватами отдельного личного имени либо устойчивыми сочетаниями нарицательного существительного и адъектонома). Наша цель — охарактеризовать сравнительные обороты и входящие в них личное имя и адъектономим с разных точек зрения (структура, семантика, прагматика, лингвогеографическая информативность) и попытаться таким образом выявить их языковое своеобразие.

Системному сбору и словарной фиксации таких единиц, вероятно, препятствует их ограниченный «срок эксплуатации», что связано с малым радиусом действия модели: как временным (реальный носитель имени, прецедент, о котором говорится в составе конструкции, быстро забывается), так и территориальным (такие словосочетания используются в основном односельчанами, знакомыми с этим носителем). В полевых материалах Топонимической экспедиции Уральского университета (территория Русского Севера и Костромской области) содержится большее по сравнению со многими другими диалектными источниками число записей таких номинаций (см. табл. 1).

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

© Кривошапова Ю. А., Феоктистова Л. А., 2019

Таблица 1

**Сравнительные конструкции с личными именами
и адъектонимами по данным различных диалектных словарей
и картотек ТЭ УрФУ**

Территория (область РФ)	Число фиксаций	Территория (область РФ)	Число фиксаций
Архангельская	1	Ярославская	1
Вологодская	6	Нижегородская	1
Костромская	15	Пермская	2
Новгородская	1	Иркутская	1

Больше всего фиксаций — на востоке вологодско-костромского пограничья — территории бывшей Вохомской волости Никольского уезда (ныне Вохомский, Павинский и Октябрьский р-ны Костромской обл., а также Никольский р-н Вологодской обл., см. табл. 2). Это может быть обусловлено не только прицельным сбором подобного языкового материала, который практиковался во время работы в этой зоне, но и самой культурно-языковой локальной традицией. Факторов традиции несколько, один из них, возможно, — привычный для этой территории кустовой тип заселения, когда социум состоял из значительно изолированных друг от друга групп деревень и в каждой группе возникал свой микросоциум, который мог сформировать «питательную среду» для возникновения подобной прецедентной модели номинации.

Таблица 2

**Сравнительные конструкции с личными именами
и адъектонимами на территории Костромской области
и Никольского района Вологодской области**

Район	Число фиксаций	Район	Число фиксаций
Буйский	2	Пыщугский	—
Солигаличский	—	Павинский	1
Парфеньевский	2	Вохомский	7
Кадыйский	—	Октябрьский	2
Макарьевский	1	Никольский	4
Шарьинский	—		

Устойчивые выражения этого типа довольно вариативны по своему составу. Обязательным компонентом является только антропоним, остальные же компоненты — сравнительный союз (*как* или *что*) и глагольный предикат — факультативны («Что *нарядился*, как Анистья климовская?!»; «Анистья климовская *идёт*»); может быть опущено и находящееся в постпозиции к личному имени оттопонимическое прилагательное. Личное имя и адъектоним допустимо рассматривать как элементы сложного антропонима, ср. частотные сочетания личного имени с индивидуальным прозвищем: (*Паши*) *Поникишонский*: «На Поникишонке Паша жил». Не исключено, однако, и то, что оттопонимическое прилагательное присоединяется к личному имени уже в составе сравнительной конструкции.

Личное имя в составе сравнительного оборота приобретает функцию номинации-характеристики, обозначая референта имени как «эталонного» носителя каких-либо отрицательно оцениваемых свойств или форм поведения. В сочетании с оттопонимическим прилагательным оно реализует тот же семантико-деривационный потенциал, что и без него. Об этом свидетельствует совпадение перечня идеограмм и наличие ряда общих семантических черт для тех и других деантропонимов: доминанта негативного (преобладание отрицательной характеристики человека по какому-либо параметру), полисемия и/или диффузность значения, а также экспрессивность [подробнее см.: Родионова, 2005; Кривошапова, Феоктистова, 2018]. Функция адъектонима в составе антропонимической формулы — территориальная «привязка» имени и его носителя, что не исключает наличия у прилагательного коннотаций, которые «наследуются» им от производящего топонима (ср., например, *Саша с Уралмаша* ‘о недалекой, простоватой девушке’).

В составе сравнительной конструкции прецедентное личное имя и адъектоним поддерживают статус друг друга в качестве ономастических единиц, что препятствует их дальнейшей деонимизации. Употребление в составе атрибутивных конструкций апеллятивных производных от личных имен, не связанных с местными «прототипами» (ср. влг. (Кирил.) *папíло фíлинской* ‘о бестолковом, беспутном человеке’ (< д. *Филино*) и *папíло* ‘о бестолковом, беспутном человеке’, *папíлиха* ‘о глупой, бестолковой женщине’ [пример из: Березович, 2012, 42]), а также прилагательных, которые образованы от квазитопонимов (ср. костр. (Шар.) *Иён заболотский* ‘о придурковатом человеке’

и *заболотский* < *за болотом*), напротив, ведет к частичной онимизации данных компонентов.

Березович Е. Л. Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 25–52.

Кривоцапова Ю. А., Феоктистова Л. А. Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в костромских говорах // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 30–42.

Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.

DOI 10.31168/7996-2700-3.64

А. М. Кузнецов

Даугавпилсский университет
Даугавпилс, Латвия
anatolijs.kuznecovs@du.lv

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА *латыш*

Этноним *латыш*, пожалуй, является единственным из употребляемых ныне в русском языке названий народов, позволяющим различать этническую и государственную принадлежность человека. Существуют наименования *латыш* и *латвиец*, соответственно, *латышский* — ‘относящийся к этносу *латыши*’, а *латвийский* — ‘относящийся к государству *Латвия*’, ср. *литовский* — ‘относящийся к этносу *литовцы* и к государству *Литва*’. В связи с этим возникает вопрос о происхождении слова *латыш*.

Этноним *лотыш* впервые зафиксирован в антропонимическом употреблении в записи писца новгородской рукописи «Симоново Евангелие» (или «Симоновское евангелие»), 1270 г. На л. 167г читаем: «писахъ же книги| сия азъ гюрги ѿнь попо|въ глемаго *лотыша* съ го|родища» <Писал же эти книги я, Георгий, сын попа, называемого Лотышом, из Городища (под Новгородом. — А. К.)> [Столярова, 2000, 123]. Иногда эту рукопись называли «Евангелием Лотыша», что

© Кузнецов А. М., 2019